

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

А. Ю. Карпов

Карпов Андрей Юрьевич

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.

Эл. почта: karpov_a_y@mail.ru. ORCID 0009-0003-9453-6884

Аннотация. Актуальность исследования определяется местом и функциями, которые выполняет политико-административная элита, обеспечивая устойчивость и безопасность общества. Обозначенный в публичном дискурсе революционный поворот, определяющий критерии интеграции новых членов в политико-административную элиту, требует научной рефлексии и понимания причин и факторов, его определяющих. В статье представлены результаты исследования ключевых факторов, которые определяют динамику политико-административной элиты России на рубеже XX–XXI вв. Показано, что трансформация российской политико-административной элиты проходила под влиянием: исторического фактора, который характеризует сложившиеся в российской политической системе традиции рекрутирования политико-административных элит; общественно-политического фактора, отражающего тенденции трансформации системы государственного управления на рубеже XX и XXI вв.; собственно политического фактора, характеризующего состояние и особенности политической и партийной систем России; социально-экономического фактора, отражающего ориентацию бизнеса на интеграцию в политико-административную элиту; а также социокультурного фактора, отражающего ценностную динамику российского общества. Выявлено, что динамика изменений политико-административной элиты России является ответом на глобальные (цифровизация общества и публичной политики, глобальный экономический кризис и пандемия коронавируса), внешнеполитические и внутривнутриполитические вызовы.

Ключевые слова: политико-административная элита, политическая элита, факторы и вызовы трансформации политико-административной элиты.

Для цитирования: Карпов А. Ю. Российская политико-административная элита в контексте современных вызовов: факторы и тенденции трансформации. *Южно-российский журнал социальных наук.* 2024. Т. 25. № 3. С. 113–130. DOI 10.31429/26190567-25-3-113-130

Актуальность исследования

XXI в. стал временем колоссальных вызовов, на которые приходится отвечать человечеству: глобальные процессы цифровизации, экономический кризис и его последствия, пандемия COVID-19, масштабные геополитические трансформации — проверяют границы устойчивости и управляемости современных государств и политических систем.

В этом контексте происходящие события становятся существенными вызовами не только социальной стабильности, но и качеству управления, а значит, и управляющим. Условия, в которых политико-административная элита существовала и воспроизводила себя долгое время, кардинально изменились. Наука и политическая практика сегодня должны ответить на вопрос: кто способен управлять современными обществами в ситуации турбулентности и непредсказуемости? На какие вызовы должна отвечать сегодня современная элита? Какие факторы определяют ее нынешнее состояние и готовность к адекватным ответам на вызовы современности?

Этот вопрос приобретает особую актуальность для современной России, поскольку в России элитные группы являются не просто важнейшими акторами, а «почти монопольными участниками политических процессов» (Гаман-Голутвина, 2008) и их доминирование по отношению к обществу — важнейший фактор, определяющий развитие политической ситуации в России в среднесрочной перспективе.

Ситуация геополитического противостояния и необходимость отвечать на многочисленные внутривнутриполитические вызовы формирует не просто новые, а принципиально иные требования к качеству управления, и прежде всего к лицам, принимающим политические решения как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

Особая практическая значимость тематики политической элиты обозначена Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию в 2024 г.: «Вы знаете, что слово “элита” во многом себя дискредитировало теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считает себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями. Особенно имею в виду тех, кто в предыдущие годы набили карманы за счет всяких процессов в экономике с 1990-х годов. Они точно не элита», — подчеркнул глава государства. По его словам, «подлинная, настоящая элита — это все, кто служит России»; «труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди», — сказал В. В. Путин.¹

В современном публичном дискурсе обозначен запрос российской власти на новые требования и новое качество управления и управленцев в новых геополитических условиях и обстоятельствах. Этот запрос отвечает и запросу общества к управляющим, который демонстрируют опросы общественного мнения. Политические решения 2024 г. демонстрируют тот факт, что запрос на трансформацию элит не только сформулирован в публичном дискурсе, но и находит свое отражение в конкретных политических решениях.

В этом контексте важно понимать факторы, влияющие на процессы трансформации политико-административной элиты и вызовы, на преодоление которых данная трансформация отвечает.

Степень разработанности проблемы в науке

Не ставя в данной работе задачу описать и проанализировать всю совокупность работ по проблеме политико-административной элиты, отметим, что вопросы ее эффективности являются важной частью дискурсивного поля элитологии (Гаева, 2012).

Актуальные процессы трансформации содержания и функций элит в конце XX в. нашли отражение в трудах Р. Патнэма, Дж. Хигли (2010), Дж. Филда (1989), К. Лэша (2002), Дж. Девлина (1995), А. А. Галкина и Ф. М. Бурлацкого (1985), О. В. Гаман-Голутвиной (2008), Т. И. Заславской (2002).

Основу для научного изучения характеристик политико-административных элит в постсоветской и современной России составили идеи и концепции отечественных исследователей (В. Я. Гельман (2003), Г. К. Ашин (2010), И. Г. Тарусина (2000), А. В. Дука (2012), О. В. Гаман-Голутвина (2016), О. В. Алексеева (2012) и другие), а также работы представителей элитологической регионалистики (Ю. П. Тимофеев (2016),

---

¹ Путин, В. В. Послание Федеральному Собранию. Москва, 29 февраля 2024. Электронный документ. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

П. Л. Карабущенко (2012), Ю. В. Усова (2013), А. В. Понеделков (1995), Р. Х. Усманов и Н. М. Тажиев (2012), А. Ю. Шутов и Д. В. Бадковский (1995), А. В. Баранов (2012) и др.).

Современное состояние и тенденции развития политических элит исследуют ИН. Гомеров (2002), А. А. Акульчев (2005), А. В. Понеделков (1995), А. М. Старостин (2016), В. Г. Игнатов (2005) и др.

Отдельно следует выделить *исследования региональных политико-административных элит и моделей их рекрутирования*. Эти сюжеты отражены в работах Ю. П. Тимофеева, П. Л. Карабущенко (2006), В. А. Ильина и М. В. Морева (2019), Д. В. Покатова (2019), В. А. Никонова (2012), А. В. Шентяковой (2014), Н. С. Слепцова, И. В. Куколева, Т. М. Рысковой (1997), Д. А. Конопкина (2014).

Вместе с тем, актуальная политическая повестка ставит перед исследователями новые вопросы и требует осмысления вызовов и факторов, влияющих на процессы трансформации современной политико-административной элиты.

Методология и методы

В науке сложилось несколько подходов к исследованию политической элиты: классовый подход (К. Маркс, Ф. Энгельс (1962), У. Домхофф (1978)), элитистский подход (В. Парето, Р. Михельс, Г. Моска, Р. Даль, Т. Дай, Л. Зиглер (1984)), цивилизационный подход (А. Тойнби (1998)), психологический подход (К. Лоренц (1966), Б. Скиннер (2023), З. Фрейд (1989)), качественный подход (Н. Макиавелли, М. Вебер (2003)), институциональный подход (Г. Лассуэлл (1994), Ч. Миллс (1959)), сетевой подход (М. Кастельс (1999), А. Турен (1998)), функциональный подход (Р. Мертон (2006), Т. Парсонс (1997)).

Современные вызовы диктуют необходимость при анализе политико-административной элиты принимать во внимание, кроме обсуждаемых в науке формально-статусных позиций, совокупность объективных и субъективных характеристик представителей элиты и субэлитных групп, в том числе ценностей, представлений, мотивов и стиля поведения, влияющих на политический процесс и, таким образом, интегрировать институциональный, сетевой и психологический подходы для комплексного понимания сущности и контекста происходящих изменений.

В качестве эмпирической базы исследования факторов и вызовов, определяющих состояние и траектории трансформации политико-административной элиты использовались вторичные данные социологических исследований (ВЦИОМ), результаты научных исследований российской политической элиты в постсоветский период, открытые данные, отражающие публичный дискурс по тематике исследования.

Обсуждение результатов

Политико-административная элита, являясь частью публичной политики, представляет собой социально-политический феномен, характеризующийся как статическими (структура, состояние), так и динамическими параметрами (трансформация, динамика). Динамика политико-административных элит определяется системой влияющих на нее факторов, а траектории трансформации элит во многом зависят от внешних вызовов, на которые дать ответы должны представители элиты.

Возможности и ресурсы, определяющие качество ответа политико-административной элиты на актуальные вызовы и ее способность выполнить свою ключевую функцию — обеспечить суверенитет и национальную безопасность государства, определяются качеством элиты, а точнее, теми механизмами рекрутирования,

которые сложились в настоящий момент. Именно на политико-административной элите, при всем многообразии демократических инструментов, которые находятся в арсенале субъектов публичной политики, лежит ответственность за происходящие внутри- и внешнеполитические изменения политической системы, как и ответственность за поддержание собственной жизнеспособности и эффективности (Булатов, 2019).

Нынешнее состояние политико-административной элиты и эффективность ее функционирования определяется рядом социально-политических факторов.

Предшествующие модели и существующая система рекрутирования как фактор, влияющий на динамику политико-административной элиты. На современную систему рекрутирования политико-административной элиты влияют те принципы и механизмы, которые сложились на предшествующих этапах функционирования политической системы. Социокультурные механизмы, формирующие преемственность всей политической системы, в том числе и формирующие социально-психологический архетип политической элиты, оказывают влияние на существующие каналы рекрутирования на всех уровнях элитных групп: федеральном, региональном и локальном. Описание механизмов рекрутирования советской элиты не составляет предметного фокуса данного исследования, тем не менее отметим, что в качестве критериев ретуширования элитных групп выступали ценностно-идеологический и профессиональный критерии (Абрамов, 2023).

Советская система рекрутирования во многом опиралась на политическую лояльность потенциальных кандидатов при рекрутировании элиты, что частично обусловило закрытость данной системы, которая, как отмечал М. С. Восленский, реализовывалась «совершенно секретно, и не государством, а руководящими органами номенклатуры». На сохранение закрытости данной системы также оказал влияние процесс самовоспроизводства элит, когда «принадлежность к классу номенклатуры» становилась «фактически наследственной» (Восленский, 2019). Описанные особенности системы рекрутирования советской элиты, как отмечает А. Г. Наронская, частично компенсировались «интенсивной внутренней ротацией» элиты между разными отраслями управления и развитием «неформальных внутриэлитных взаимодействий» (Наронская, 2021), усиление влияния которых происходило из-за отсутствия альтернативных партийной системе каналов рекрутирования.

В постсоветский период (1990-е гг.) вслед за изменениями политической системы произошли значимые изменения и в системе формирования элиты, поскольку переход от партийно-номенклатурной системы к представительной демократии существенно изменил состав, принципы и технологии формирования как политической, так и политико-административной элиты.

А. В. Понеделков отмечает, что современная система рекрутирования политико-административной элиты, сформировавшаяся в начале 2000-х гг., содержит в себе, помимо закрытого, полужакрытого и закрытого типов рекрутирования, еще несколько типов механизмов (Понеделков, 2007): аристократический тип (подразумевающий вертикальное взаимодействие представителей власти различных уровней); этнически гомогенный тип (подразумевающий ограничение взаимодействия представителей политико-административной элиты разного уровня); тип политического рекрутирования, направленный на сохранение и развитие общегражданских ценностных установок; тип политического рекрутирования, направленный на повышение высокопрофессиональных и иных качеств личности.

О. В. Крыштановская описывает модель рекрутирования элиты, основанную на «мобилизационной политике», соотнося ее с началом 2000-х гг. Эта модель была нацелена на интеграцию выходцев из силовых структур в состав новой российской бюрократии. Реализация модели обусловила разделение правительства России на два блока: «*правительство премьер-министра и правительство президента*», что привело к формированию управленческой элиты, лояльной администрации Президента, как на федеральном, так и на региональном уровне: «их (силовиков) представительство среди глав субъектов Федерации увеличилось по сравнению с 1999 г. более чем вдвое» (Крыштановская, 2007).

Таким образом, ныне существующие механизмы воспроизводства политико-административной элиты поэтапно сформировались в процессе трансформации российской политической системы и отражают ее особенности.

Еще одним фактором, влияющим на состояние и динамику политико-административной элиты, выступает *состояние политической и партийной системы РФ*, которая за последние тридцать лет прошла несколько отличающихся качественным содержанием этапов: от системы, основанной на неограниченном политическом плюрализме 1990-х, которая привела к формированию «поверхностно-популистских политических конструкций», к системе, связанной с партийным строительством «исполнительной власти», укреплением «вертикали власти сверху», и переходу к «узкому политическому спектру», в которой партии в некоторой степени выступают формальными субъектами «реальной политики», но вместе с тем способны полноценно выполнять функции по «лоббированию интересов определенных социальных групп» (Растимешина, 2017).

Сформировавшаяся российская партийная система находится в стабильном и устойчивом положении за счет жестких условий назначения в политико-административную элиту, предполагающих высокий уровень требований для прохождения в федеральные органы законодательной и исполнительной власти; высокий уровень требований для официальной регистрации партийной организации и ввода ее в политические действия.

Еще одним значительным фактором, влияющим на процесс рекрутирования политико-административной элиты в современной российской политической системе, является тесное взаимодействие политических институтов и бизнес-структур и *ориентация бизнеса на интеграцию в политико-административную элиту*. Форматы такого взаимодействия, сформировавшиеся на рубеже XX–XXI вв., были разнообразны: от прямого институционального присутствия бизнеса в системе власти до неинституционального влияния, вплоть до противозаконного лоббирования: «Власть превратилась в капитал, то есть в стоимость, приносящую доход...» (Батраева, 2002).

Эта тенденция отчетливо фиксировалась и осознавалась в обществе. По результатам социологических исследований ВЦИОМ (март, 2008), 20% опрошенных граждан России считали наиболее важной для страны проблему влияния олигархов на политическую и экономическую жизнь страны (Федоров, 2009). При этом в обществе однозначно был сформулирован запрос на политических лидеров, интегрирующих политические технологии и понимание механизмов работы экономической системы и ее представителей (Федоров, 2008).

По данным Д. Б. Тева, доля представителей бизнеса в административной элите составляет «чуть менее трети» (31%), достигая максимума в Правительстве (52%),

гораздо больше представителей бизнеса в политической элите, депутатском корпусе (51%). Нельзя не отметить в этом контексте процесс профессионализации элиты: в верхние эшелоны власти обычно поднимались лица, уже имеющие опыт административной работы на разных уровнях власти, но практически не попадали люди с «чисто экономической карьерой» (Тев, 2018).

Значимым фактором, определяющим состояние и динамику трансформации и модели рекрутирования современной политико-административной элиты, выступает *совокупность социокультурных феноменов*, определяющих общественный запрос к лидерам и представителям политико-административной элиты (например, представления об идеальном лидере, руководители, архетип лидера в политической культуре), ценностные составляющие (содержание) механизмов отбора в элиту, а также критерии (параметры) оценки эффективности деятельности представителей элиты (в том числе критерии оценки уровня доверия общества к власти).

В этом контексте отметим мнение А. С. Ахиезера, который рассматривал социокультурный фактор как влияющий на особенности взаимодействия народа и элит, а также писал об исторической тенденции России «к превращению управления в однополюсное» (Ахиезер, 2004).

К социокультурным факторам также следует отнести динамику уровня доверия населения РФ к власти в целом, ее отдельным институтам и представителям, поскольку нынешний ответ, который заключается в повороте к человеческим качествам, разделяемым ценностям и гибким компетенциям представителей элиты обусловлен, в числе прочих факторов, кризисом доверия к власти в начале 2000-х, который российская политическая и политико-административная элита преодолевает до сих пор. В частности, данные ВЦИОМ говорят о том, что в российском обществе периода 2004 г. существовал кризис доверия к основным политическим и властным институтам, что, в свою очередь, определяло преобладание негативных оценок деятельности органов власти. Исключением выступал Президент России, что, однако, ещё в большей степени обусловило сложившиеся негативные тенденции: «Населению непонятно, зачем разговаривать с теми, кто не Президент, что они могут? И есть ли вообще кто-нибудь, кроме Президента?» (Федоров, 2004).

Многочисленные данные ВЦИОМ демонстрируют существенный разрыв уровня доверия Президенту и другими государственными институтами в начале 2000-х (Петухов, 2005). Устойчивая легитимность Президента на фоне кризиса доверия основным институтам власти повлияла на траекторию трансформации политико-административных элит, причем вектором, определившим направление этой трансформации, стала политика, транслируемая наиболее значимой для общества и элиты политической фигурой — Президентом. Результаты исследования ВЦИОМ (2005) показывают, что в российском обществе ослабли запросы на доктринальные установки в политико-идеологической сфере, при этом основой консолидации выступил «синтез вокруг базовых идеологем, в основном связываемых с политикой президента В. В. Путина» (Федоров, 2004).

В это же время социологи фиксируют изменение ценностных предпочтений россиян, точнее наблюдается ценностный сдвиг от доминирования либеральных ценностей (в начале XXI в.) к поступательному росту популярности консервативно-традиционалистских ценностей после 2010-х гг. В 2005 г. ВЦИОМ фиксирует отсутствие определённых политических предпочтений как преобладающую ценностную доминанту российского общества вместо доминирующих еще несколько лет назад

либеральных ценностей. Исследователи отмечали, что россиян «категорически не устраивала и не устраивает идеология, а главное практика “построения капитализма”» (Петухов, 2005). Вместе с тем на первое место по предпочтениям вышли (по данным того же исследования) «порядок» (61%), «справедливость» (53%) и «свобода» (43%), причем они оценивались не в рамках антагонистичной модели, а «в равной степени важные и необходимые» как для человека, так и для государства. В последующие годы происходит дальнейший сдвиг ценностей в сторону консервативного спектра (Федоров, 2004). К 2014 г. доля респондентов, считающих, что консерватизм «позволяет сохранить обычаи и традиции страны, существующий общественный строй и двигаться вперед без рывков и потрясений», выросла на 12% (с 44% до 56%).

Таким образом, состояние и динамика современной политико-административной элиты России определяется рядом социально-политических факторов, ключевыми из которых выступают: исторический, общественно-политический, собственно политический, социально-экономический и социокультурный факторы.

Если факторы влияют на состояние политико-административной элиты, то катализаторами изменений, определяющими их скорость и траектории, становятся вызовы, возникающие перед макросообществом, ответы на которые должна находить политико-административная элита для выполнения своей функции — обеспечения внутренней и внешней безопасности общества и государства.

Современная Россия в начале XXI в. столкнулась с целым рядом глобальных, внешнеполитических и внутривнутриполитических вызовов. Ключевыми глобальными вызовами, ответы на которые пришлось искать политико-административным элитам во всех странах мира в XXI в. стали цифровизация и сетевизация обществ, глобальный экономический кризис и коронавирус.

Цифровизация и сетевизация публичной политики как глобальный вызов политико-административным элитам. На рубеже XX и XXI вв. одним из ключевых вызовов политико-административной элите становятся процессы цифровизации и сетевизации публичной политики, поскольку в новой среде действия, связанные с созданием и распространением политического контента, выступают «не просто отражением информационной кампании» различных участников политической среды, а «сложным многосоставным инструментом формирования пространства публичной политики». ²

В этих условиях, как отмечает С. А. Романова, возникающая антиэлита, способна оказывать влияние на политическую сферу жизни государства, воздействуя на массовое сознание и формируя «нужное ей общественное мнение», и таким образом влиять на граждан, формировать политические установки; в совокупности все эти процессы «ведут к разочарованию в действующей элите». Увеличение доступного объема информации и расширение каналов коммуникации «во многом маргинализирует публичную политику и дробит ее на мелкие дискурсы» (Романова, 2021).

Современные исследователи отмечают тот факт, что в условиях политических реалий политико-административная элита является действующим субъектом сетевых войн, которые стали несомненной угрозой общественно-политической жизни страны. В контексте внутривнутриполитических процессов сетевые войны рассматриваются как механизм экономического, психологического и идеологического характера, который в большей степени скрыт от общественности (Комлева, 2014).

² Модели и практики управления политическим контентом ... С. 315.

Эти процессы формируют глобальный вызов политико-административной элите, обусловленный необходимостью понимания сущности происходящих процессов и поиска новых механизмов и технологий управления обществом в этих условиях.

Глобальный экономический кризис как вызов российской политико-административной элите. В начале XXI в. российская политико-административная элита встретила с необходимостью преодоления хаотичных факторов внешней среды. Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. обнажил многие существенные дисбалансы, существовавшие в тот период в России, и продемонстрировал, что «управленческие команды при разнонаправленных векторах интересов субъектов социума реализуются с плохо предсказуемыми результатами на выходе», что формирует «трудно управляемую социально-экономическую систему» (Родионов, 2014). Влияние экономического кризиса на политическую элиту носило неоднозначный характер, поэтому, «характеризуя социально-политические последствия мирового экономического кризиса в целом, можно говорить о реализации сценария, при котором политическая элита страны сохраняется, а политический режим изменяется в сторону увеличения авторитарных тенденций» (Бекчинтаев, 2011). Преодоление данных тенденций выступает одним из вызовов на который необходимо найти ответ политико-административной элите.

Еще одним вызовом глобального характера для политико-административной элиты стала *пандемия коронавируса*. По мнению А. Г. Дугина, рассуждавшего о влиянии пандемии на глобальное политическое устройство, государственная система «мутировала» вместе с коронавирусом, приняв изменения, обусловленные временем и необходимостью, «в ходе этого трансформируются все государственные институты, связанные с правом, легальностью, экономикой»³. Политико-административной элите пришлось столкнуться с тем, что «приостановка свободы передвижений, собраний и демократических процедур блокирует институты политической демократии и парализует свободы индивидуума»; процесс имеет необратимый характер и обусловлен «крахом мировой экономики, радикальными мерами в политике и международных отношениях, введенные в связи с пандемией, нарушением структур гражданского общества, психологическими сдвигами и внедрением надзирающих контролирующих технологий»⁴. На повестке дня в глобальном контексте — изменение компетенций и персон: «Здесь потребуются совершенно иные фигуры, компетенции и характеры»⁵. Эти размышления автора относительно мировой элиты не теряют своей актуальности и в российском контексте.

Ключевым (глобальным и внутренним) вызовом, на который необходимо дать ответ российской политико-административной элите, стало *геополитическое противостояние в контексте специальной военной операции России на Украине*. Политические решения России относительно воссоединения Крыма и начала специальной военной операции России на Украине и необходимость мобилизации общества для ответов на многочисленные санкции, политические и военные угрозы со стороны недружественных России стран, вскрыли значительное количество проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности, которые ранее были либо

---

³ Дугин, А.Г. Пандемия и политика выживания: Горизонты диктатуры нового типа. *Геополитика.ru*. Электронный документ: Режим доступа https://www.geopolitika.ru/article/pandemiya-i-politika-vyzhivaniya-gorizonty-diktatury-novogo-tipa?utm_referrer=https%3a%2f%2findex.ru%2f

⁴ Там же.

⁵ Там же.

незаметны, либо отсутствовали вовсе. Вопрос обеспечения национальной безопасности привел к тому, что существовавшая на тот момент и существующая сейчас политико-административная элита обязана была принимать решения, адекватность и эффективность которых напрямую были взаимосвязаны с профессионализмом и компетентностью представителей элиты (Карабущенко, 2016).

Вхождение Крыма в состав России в 2014 г. стало поводом для реализации санкционной политики по отношению к России в финансовой сфере, энергетике и оборонной промышленности; экономические потери страны к 2017 г. составили 160 млрд. долларов (Арушанова, 2017). Оказанное санкционное давление стало вызовом, на который политико-административной элите России необходимо было дать ответ, чтобы реализовать действия по стабилизации социально-экономического положения российского общества.

Начало СВО в 2022 г. стало катализатором усиления санкционного давления на Россию, которая стала «государством с максимальным числом введенных санкций» (Араев, 2022); они теперь оказывают всеобъемлющее давление на все отрасли экономики, ограничивают распространение новых и высоких технологий, а также были направлены на страны, сотрудничающие с Россией.

Ценностная консолидация стала необходима для обеспечения стабильного социально-экономического развития общества и «уверенного вхождения России в новую модель миропорядка» (Ильичева, 2022). В этом контексте важность ценностной консолидации российской политико-административной элиты была обозначена Президентом России в 2022 г.: «для ведущих партий России превыше всего была и будет забота о благе нашей страны и нашего народа», «...потому что партий-то у нас много, а Родина — одна, и нет ничего важнее и выше судьбы Отечества»⁶. Выборы Президента продемонстрировали «формирование широкой надпартийной коалиции политических сил России», за рамками которой остались только те политические силы, что «превратились в политическое прикрытие для антироссийской санкционной войны»⁷.

Характерной консолидацией «стал рост уровня лояльности к проводимой властью политике» (Шушпанова, 2022), что выступает одним из самых значимых показателей для политико-административной элиты и обеспечения её устойчивой деятельности.

Таким образом, основные вызовы, влияющие на трансформацию российской политико-административной элиты в XXI в., связаны с обеспечением социальной, экономической и политической стабильности на внутренних контурах российского общества и государства. Внешний контур вызовов в основном связан с обострением международных отношений на фоне расширения политического пространства России и последующим введением санкций в её отношении, а также с глобальными экономическими кризисами, которые объективно повлияли на Россию за счёт её интегрированности в мировой рынок. Данная совокупность вызовов обусловила необходимость эффективного ответа российских общественных и государственных институтов с целью обеспечения национальной безопасности России. Одним

⁶ Встреча Президента Путина В.В. с руководством Госдумы и главами фракций. 7 июля 2022. Президент России. Официальный сайт. Электронный документ. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68836>

⁷ Президентское супербольшинство – 2024: семь шагов к победе. ВЦИОМ, официальный сайт, 2024. Режим доступа <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezidentskoe-superbolshinstvo-2024-sem-shagov-k-pobede>

из ответов выступила трансформация модели рекрутирования элит в сторону развития человеческого потенциала, её профессионализации.

Современное состояние российской политико-административной элиты и тенденции ее дальнейшей трансформации определяются рядом факторов, ключевыми из которых выступают: исторический, характеризующий сложившиеся в российской политической системе традиции рекрутирования политико-административных элит; общественно-политический фактор, выявляющий тенденции трансформации системы государственного управления на рубеже XX и XXI вв.; собственно политический фактор, формулирующий состояние и особенности политической и партийной систем современной России; социально-экономический фактор, отражающий ориентацию бизнеса на интеграцию в политико-административную элиту; а также социокультурный фактор, представляющий ценностную динамику российского общества.

Поворот в общественном сознании и изменение критериев рекрутирования политико-административных элит был обусловлен необходимостью ответа на глобальные (цифровизация общества и публичной политики, глобальный экономический кризис и пандемия коронавируса), внешнеполитические и внутривнутриполитические вызовы. Эти вызовы актуализировали изменения требований и критериев отбора политико-административной элиты, которые нашли отражение в общественном мнении, публичной риторике и научной дискуссии.

Библиографический список

- Абрамов, Г. А. (2023). Система рекрутирования политической элиты на примере коммунистической партии Советского Союза в 1950–1970 годах. *Общество: политика, экономика, право*, 1, 28.
- Акульчев, А. А. (2005). Эффективность деятельности административно-политических элит в современной России (региональный аспект). В А. В. Понеделков, А. М. Старостин (ред.) *Элитологические исследования. Ежегодник*. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС.
- Алексеева, О. В. (2012). Особенности этапов становления современной российской политической элиты. *Право и политика*, 2, 248–256.
- Араев, С. И. (2022). Функционирование политической системы Российской Федерации в условиях антироссийских санкций 2022 г. *Теории и проблемы политических исследований*, 11(4А), 24–31.
- Арушанова Н. А. (2017). Санкции против России: новые вызовы и возможности. *Финансы, деньги, инвестиции*, 1(61), 10–15.
- Ахиезер, А. С. (2004). Монологизация и диалогизация управления (Опыт российской истории). *Общественные науки и современность*, 2, 24–34.
- Ашин, Г. К. (2010). *Элитология: история, теория, современность*. М.: МГИМО-Университет.
- Бадковский, Д. В., Шутов, А. Ю. (1995). Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия. *Кентавр*, 6, 36–86.
- Баранов, А. В. (2012). Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии. *Южно-российский журнал социальных наук*, 4, 62–73.
- Батраева, О. Б. (2002). *Социальные механизмы воспроизводства и рекрутирования современной российской политико-административной элиты* (Кандидатская диссертация). Саратов.
- Бекчинтаев, А. М. (2011). Влияние мирового экономического кризиса на общественно — политический диалог в РФ. *Бизнес. Общество. Власть*, 8, 128–134.

- Булатов, А. Г. (2019). Каналы рекрутирования высшей административной элиты России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 5(41), 39–42.
- Вебер, М. (2003). *Политические работы 1895–1919*. Москва: Праксис.
- Восленский, М. С. (2019). *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Москва, Берлин: Директ-Медиа.
- Гаева, А. В. (2012). Теоретические подходы к изучению эффективности деятельности политической элиты. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 1(21), 125–131.
- Галкин, А. А., Бурлацкий, Ф. М. (1985). *Современный Левиафан*. М.: Изд-во Мысль.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2016). Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. *Политическая наука*, 2, 38–73.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2008). *Образы государств, наций и лидеров*. М.: Аспект Пресс.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2008). Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. *Полис. Политические исследования*, 6, 68–69.
- Гельман, В. Я. (2003). Политические элиты и стратегии региональной идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6(2), 91–105.
- Гомеров, И. Н. (2002). *Государство и государственная власть: профессионализм, особенности, структура*. М.: ЮКЕА.
- Дай, Т., Зиглер, Л. (1984). *Демократия для элиты. Введение в американскую политику*. Москва: юридическая литература.
- Дука, А. В. (2012). Социальная дифференциация и рекрутирование ядра политического класса — политических элит. В О. В. Гаман-Голутвина (ред.) *Политический класс в современном обществе* (с. 74–102). М.: РАПН, РОСПЭН.
- Заславская, Т. И. (2002). Структура российского общества через призму трансформационного процесса. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 59–64.
- Игнатов, В. Г., Понеделков А. В., Старостин А. М. (2005). Административно-политические элиты России: методологический и феноменологический аспекты исследования. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 3–4, 36–60.
- Ильин, В. А., Морев, М. В. (2019). Национально ориентированная ротация элит — важнейшее условие реализации национальных проектов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 12(4), 9–25.
- Ильичева, Л. Е. (2022). Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества. *Наука. Культура. Общество*, 28(3), 50–67.
- Карабущенко, П. Л. (2015). Политические элиты и проблемы национальной безопасности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 3, 91–97.
- Карабущенко, П. Л. (2015). Политические элиты и проблемы национальной безопасности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 3, 91–97.
- Кастельс, М. (1999). *Становление общества сетевых структур*. М.: Academia.
- Комлева, Н. А. (2014). Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности. В *Глобальная и региональная безопасность в XXI веке* (с. 72). Екатеринбург: ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
- Конопкина, Д. А. (2014). Система рекрутирования политической элиты в России в контексте задач модернизации. *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*, 1, 43–45.
- Крыштановская, О. В. (2006). Милитократия и демократия в России XXI века. *Управленческое консультирование*, 2(22), 24–41.
- Куколев, И. В. (1997). Трансформация политических элит в России. *Общественные науки и современность*, 4, 85–86.

- Лассуэл, Г. (1994). Принцип тройного воздействия: ключ к анализу социальных процессов. *Социологические исследования*, 1, 64–74.
- Лоренц, К. (1966). *Агрессия*. Москва: Прогресс.
- Лэш, К. (2002). *Восстание элит и предательство демократии*. Москва: Логос.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1962). *Капитал. Критика политической экономии*. Москва: Политиздат.
- Мацуев, А. Н., Плотников А. Д. (2012). Еще раз к вопросу о понятии «элита». *Знание. Понимание. Умение*, 4, 45–51.
- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. Москва: АСТ «Москва — Хранитель».
- Миллз, Ч. Р. (1959). *Властвующая элита*. Москва: Наука.
- Наронская, А. Г. (2021). Система рекрутирования советской правящей элиты: общее и специфическое. *Вестник Томского государственного университета. История*, 73, 19–23.
- Парсонс, Т. (1997). *Система современных обществ*. Москва: Аспект-Пресс.
- Петухов, В. В. (2005). Трансформация идеологических ценностей и политических предпочтений россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(74), 4–18.
- Покатов, Д. В. (2019). Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп. *Власть и элиты*, 6(1), 71–97.
- Понеделков, А. В. (1995). *Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России*. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ.
- Понеделков, А. В. (2007). Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России. *Власть*, 6, 3–8.
- Рагимешина, Т. В. (2017). Партийная система современной России и особенности ее функционирования. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 3(15), 132–138.
- Родионов, В. Г. (2014). Современный социально-экономический кризис как бифуркация нелинейной динамической системы. *Креативная экономика*, 12(96), 3–12.
- Романова, С. А. (2021). Антиэлита в эпоху цифровизации. *Научное мнение*, 10, 14–17.
- Скиннер, Б. (2023). *По ту сторону свободы и достоинства*. Москва: Бомбора.
- Слепцов, Н. С., Куколев, И. В., Рыскова, Т. М. (1997). Новая легитимность региональных лидеров. *Социология власти*, 3, 5–23.
- Слепцов, Н. С., Куколев, И. В., Рыскова, Т. М. (1998). Лидеры российских регионов: испытание плебисцитом. *Социологические исследования*, 7, 118–129.
- Старостин, А. М. (2016). Интеллектуальные элиты современной России: режим ожидания или деградация? *Коммуникология*, 4(6), 120–126.
- Тарусина, И. Г. (2009). Новые элиты России — условия для развития демократии и экономических реформ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4, 192–193.
- Тев, Д. Б. (2018). Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России. *Власть и элиты*, 5, 54–86.
- Тимофеев, А. А. (2016). Смена политической элиты как необходимый фактор экономического развития страны. *Коммуникология*, 4(6), 140–153.
- Тимофеев, Ю. П., Карабущенко П. Л. (2006). Элитологическая регионалистика: динамика развития региональных элит современной России. *Гуманитарные исследования*, 2(18), 12–19.
- Тойнби, А. (1998). *Постижение истории*. Москва: Прогресс.
- Турен, А. (1998). *Возвращение человека действующего*. Москва: Науч. мир.
- Усманов, Р. Х., Тажиев, Н. М. (2012). *Пути и вектор развития региональных этнополитических элит в современном российском обществе*. Москва: ЦИУМиНЛ.

- Усова, Ю. В. (2013). Политические элиты современной России в контексте позиционирования политических партий. *Теория и практика общественного развития*, 12, 95.
- Федоров, В. В. (2004). После выборов — перед реформами: власть и общественное мнение в современной России. *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 5, 1–8.
- Федоров, В. В. (2004). Российская политическая коммуникация в эпоху Путина. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4(72), 44–49.
- Федоров, В. В. (2008). Смена власти в России: первые заметки и впечатления. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(86), 103–106.
- Федоров, В. В. (2009). Главные ожидания и опасения населения: динамика социальных настроений в обществе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(91), 4–24.
- Федоров, В. В. (2014). Эволюция восприятия идеи консерватизма среди граждан России. *Тетради по консерватизму*, 2–1, 104–106.
- Фрейд, З. (1989). *Будущее одной иллюзии*. Москва: Политиздат.
- Хигли, Дж. (2010). Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа. *Сравнительная политика*, 1, 50–72.
- Шентякова, А. В. (2014). Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты. *Власть и элиты*, 1, 385–398.
- Шушпанова, И. С. (2022). Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ. *Наука. Культура. Общество*, 28(4), 97–108.
- Devline, J. (1995). *The Rise of the Russian Democracy. The Causes and Consequences of the Elite Revolution*.
- Domhoff, G. W. (1978). *Who Really Rules: New Haven and Community Power Re-Examined*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Field, L., Higley, J. (1980). *Elitism*. L., Boston: Routledge.
- Lane, D., Ross C. (1999). *The Transition from Communism to Capitalism. Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin*. N.Y.: St. Martin's Press.
- Zimmerman, W. (2002). *Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives 1993–2000*. N.Y.: Princeton University Press.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024

Статья принята к публикации 30.08.2024

RUSSIAN POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITE IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: FACTORS AND TRENDS OF TRANSFORMATION

A. Yu. Karpov

Andrey Yu. Karpov

Kuban State University, Stavropolskaya Str, 149, Krasnodar, 350040, Russia

E-mail: karpov_a_y@mail.ru. ORCID 0009-0003-9453-6884

Abstract. The relevance of the study is determined by the place and functions that the political-administrative elite fulfill in ensuring the sustainability and security of society. The radical turn outlined in public discourse, which defines the criteria for integrating new members into the political-administrative elite, requires scientific reflection and understanding of the reasons and factors that determine it. The article presents the findings of a study on the pivotal factors that shaped the evolution of the political and administrative elite in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries. The transformation of the Russian political-administrative elite was found to have been influenced by a number of factors: the historical factor, which characterizes the traditions of recruiting political-administrative elites in the Russian political

system; the socio-political factor, which reflects the trends of transformation of the system of public administration at the turn of the twentieth and twenty-first centuries; the political factor proper, which characterizes the state and the characteristics of the political and party systems of Russia; the socio-economic factor reflecting the orientation of business towards integration into the political and administrative elite; and the socio-cultural factor reflecting the value dynamics of the Russian society. It has been demonstrated that the dynamics of change within Russia's political-administrative elite are a response to a number of global challenges, including the digitalization of society and public policy, the global economic crisis and the coronavirus pandemic. In addition, these changes have been influenced by foreign and domestic policy challenges.

Keywords: political-administrative elite, political elite, factors and challenges of transformation of political-administrative elite.

For citation: Karpov A. Yu. Russian Political and Administrative Elite in the Context of Modern Challenges: Factors and Trends of Transformation. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2024. Vol. 25. No 3. Pp. 113–130. DOI 10.31429/26190567-25-3-113-130

References

- Abramov, G. A. (2023). Sistema rekrutirovaniya politicheskoi elity na primere kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza v 1950–1970 godakh [Political Elite Recruitment System on The Example of The Communist Party of the Soviet Union in 1950–1970]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 1, 28–32.
- Akhiezer, A. S. (2004). Monologizatsiya i dialogizatsiya upravleniya (Opyt rossiiskoi istorii) [Monologization and Dialogization of Management (Experience of Russian History)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2, 24–34.
- Akul'chev, A. A. (2005). Effektivnost' deyatelnosti administrativno-politicheskikh elit v sovremennoi Rossii (regional'nyi aspekt) [The Efficacy of Administrative and Political Elites in Modern Russia (Regional Aspect)]. In A. V. Ponedelkov, A. M. Starostin (Eds) *Elitologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik* [Elitological Studies. Yearbook]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS.
- Alekseeva, O. V. (2012). Osobennosti etapov stanovleniya sovremennyy rossiiskoy politicheskoy elity [The Characteristics of the Formation of the Contemporary Russian Political Elite]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2, 248–256.
- Araev, S. I. (2022). Funktsionirovanie politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh antirossiiskikh sanktsii 2022 g. [Functioning of the Political System of the Russian Federation in the Context of Anti-Russian Sanctions in 2022]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Research], 11(4A), 24–31.
- Arushanova N. A. (2017). Sanktsii protiv Rossii: novye vyzovy i vozmozhnosti [Sanctions against Russia: New Challenges and Opportunities]. *Finansy, den'gi, investitsii* [Finance, Money, Investments], 1(61), 10–15.
- Badovskii, D. V., Shutov, A. Yu. (1995). Regional'nye elity v postsovetsoi Rossii: osobennosti politicheskogo uchastiya [Regional Elites in Post-Soviet Russia: Peculiarities of Political Participation]. *Kentavr* [Centaurus], 6, 36–86.
- Baranov, A. V. (2012). Regional'nye politicheskie rezhimy Rossii v sisteme vlastnykh otnoshenii: problemy tipologii [Regional Political Regimes of Russia in the System of Power Relations: Problems of Typology]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 4, 62–73.
- Batraeva, O. B. (2002). *Sotsial'nye mekhanizmy vosпроизводства i rekrutirovaniya sovremennoy rossiiskoy politiko-administrativnoy elity* [The Social Mechanisms of Reproduction and Recruitment of the Modern Russian Political-administrative Elite] (PhD Thesis). Saratov.
- Bekchintaev, A. M. (2011). Vliyanie mirovogo ekonomicheskogo krizisa na obshchestvenno – politicheskii dialog v RF. *Biznes. Obshchestvo* [The Impact of the Global Economic Crisis on the Socio-Political Dialogue in the Russian Federation. Business. Society]. *Vlast'* [Power], 8, 128–134.

- Bulatov, A. G. (2019). Kanaly rekrutirovaniya vysshei administrativnoi elity Rossii. *Gumanitarnye nauki* [Recruitment Channels of the Highest Administrative Elite of Russia]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 5(41), 39–42.
- Duka, A. V. (2012). Sotsial'naya differentsiatsiya i rekrutirovanie yadra politicheskogo klassa — politicheskikh elit [Social Differentiation and Recruitment of the Core of the Political Class — Political Elites]. In O. V. Gaman-Golutvina (Ed.) *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [Political Class in Modern Society] (pp. 74–102). M.: RAPN, ROSPEN.
- Dye, T., Zeigler, L. (1984). *Demokratiya dlya elity. Vvedenie v amerikanskuyu politiku* [The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics]. Moskva: yuridicheskaya literatura.
- Fedorov, V. V. (2004). Posle vyborov – pered reformami: vlast' i obshchestvennoe mnenie v sovremennoi Rossii [After the Elections — before the Reforms: Power and Public Opinion in Modern Russia]. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev* [Telescope: Observations of the Everyday Life of Petersburgers], 5, 1–8.
- Fedorov, V. V. (2004). Rossiiskaya politicheskaya kommunikatsiya v epokhu Putina [Political Communication under President Putin]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 4(72), 44–49.
- Fedorov, V. V. (2008). Smena vlasti v Rossii: pervye zametki i vpechatleniya [Change of Power in Russia: First Notes and Impressions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2(86), 103–106.
- Fedorov, V. V. (2009). Glavnye ozhidaniya i opaseniya naseleniya: dinamika sotsial'nykh nastroyenii v obshchestve [The Main Expectations and Fears of the Population: The Dynamics of Social Sentiment in Society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3(91), 4–24.
- Fedorov, V. V. (2014). Evolyutsiya vospriyatiya idei konservatizma sredi grazhdan Rossii [Evolution of the Perception of the Idea of Conservatism among Russian Citizens]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism], 2–1, 104–106.
- Freid, Z. (1989). *Budushchee odnoi illyuzii* [The Future of an Illusion]. Moskva: Politizdat.
- Gaeva, A. V. (2012). Teoreticheskie podkhody k izucheniyu effektivnosti deyatelnosti politicheskoi elity [Theoretical Approaches to the Studying of Activity Effectiveness of Political Elite]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya], 1(21), 125–131.
- Galkin, A. A., Burlatskii, F. M. (1985). *Sovremennyyi Leviafan* [Modern Leviathan]. M.: Izd-vo Mysl'.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2008). *Obrazy gosudarstv, natsii i liderov* [Images of States, Nations and Leaders]. M.: Aspekt Press.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016). Political Elites as an Object of Research in Domestic Political Science [Political Elites as an Object of Research in National Political Science]. *Political Science* [Political Science], 2, 38–73.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2008). Protsessy sovremennogo elitogeneza: mirovoi i otechestvennyi opyt [Processes of Modern Elitogenesis: The World and National Experience]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 68–69.
- Gel'man, V. Ya. (2003). Politicheskie elity i strategii regional'noi identichnosti [Political Elites and Strategies of Regional Identity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 6(2), 91–105.
- Gomerov, I. N. (2002). *Gosudarstvo i gosudarstvennaya vlast': professionalizm, osobennosti, struktura* [State and State Power: Professionalism, Features, Structure]. M.: YuKEA.
- Ignatov, V. G., Ponedelkov A. V., Starostin A. M. (2005). Administrativno-politicheskie elity Rossii: metodologicheskii i fenomenologicheskii aspekty issledovaniya [Administrative and Political Elites of Russia: Methodological and Phenomenological Aspects of the Study]. *Gosudarstvennoe*

- i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Administration. Scientific Notes], 3–4, 36–60.
- Il'icheva, L. E. (2022). Doverie k vlasti i sotsial'no-politicheskaya konsolidatsiya obshchestva [Trust in The Authorities and Social Consolidation of Society]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 28(3), 50–67.
- Il'in, V. A., Morev, M. V. (2019). Natsional'no orientirovannaya rotatsiya elit – vazhneishee uslovie realizatsii natsional'nykh proektov [Nationally Oriented Rotation of The Elites – The Most Important Condition for the Implementation of National Projects]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 12(4), 9–25.
- Karabushchenko, P. L. (2015). Politicheskie elity i problemy natsional'noi bezopasnosti [The Political Elites and National Security Issues]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 3, 91–97.
- Karabushchenko, P. L. (2015). Politicheskie elity i problemy natsional'noi bezopasnosti. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [The Political Elites and National Security Issues]. *Uchenye zapiski SKAGS* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 3, 91–97.
- Kastells, M. (1999). *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur* [The Rise of the Network Society]. M.: Academia.
- Khigli, Dzh. (2010). Elity, massovye gruppy i predely politiki: metodologiya i praktika sravnitel'nogo analiza [Elites, Mass Groups and The Limits of Politics: Methodology and Practice of Comparative Analysis]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 1, 50–72.
- Komleva, N. A. (2014). Rol' politicheskoy elity v obespechenii natsional'noi bezopasnosti [The Role of the Political Elite in Ensuring National Security]. In *Global'naya i regional'naya bezopasnost' v XXI veke* [Global and Regional Security in the 21st Century] (p. 72). Ekaterinburg: FGAOU VPO Ural'skiy federal'nyy universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.
- Konopkina, D. A. (2014). Sistema rekrutirovaniya politicheskoy elity v Rossii v kontekste zadach modernizatsii [The Recruitment System of The Political Elite in Russia in The Context of Modernization Problems]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 1, 43–45.
- Kryshtanovskaya, O. V. (2006). Militokratiya i demokratiya v Rossii KhKhI veka [Militocracy and Democracy in Russia in the 21st Century]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2(22), 24–41.
- Kukolev, I. V. (1997). Transformatsiya politicheskikh elit v Rossii [Transformation of Political Elites in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 4, 85–86.
- Lasch, K. (2002). *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy]. Moskva: Logos.
- Lasswell, G. (1994). Printsip troinogo vozdeistviya: klyuch k analizu sotsial'nykh protsessov [The Triple Impact Principle: The Key to Social Process Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1, 64–74.
- Lorenz, K. (1966). *Agressiya* [On Aggression]. Moskva: Progress.
- Marx, K., Engels, F. (1962). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital A Critique of Political Economy]. Moskva: Politizdat.
- Matsuev, A. N., Plotnikov, A. D. (2012). Eshche raz k voprosu o ponyatii “elita” [The Concept “Elite” Revisited]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, 45–51.
- Merton, R. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moskva: AST “Moskva – Khranitel”.
- Mills, Ch. R. (1959). *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite]. Moskva: Nauka.
- Naronskaya, A. G. (2021). Sistema rekrutirovaniya sovetской pravyyashchei elity: obshchee i spetsificheskoe [The Recruitment of The Soviet Ruling Elite: General and Specific]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 73, 19–23.

- Parsons, T. (1997). *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moskva: Aspekt-Press.
- Petukhov, V. V. (2005). Transformatsiya ideologicheskikh tsennostei i politicheskikh predpochtenii rossiyan [Transformation of Ideological Values and Political Preferences of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2(74), 4–18.
- Pokatov, D. V. (2019). Rekrutirovanie sovremennoi rossiiskoi politicheskoi elity kak rotatsiya politicheskoi i administrativno-korporativnoi elitnykh grupp [Recruiting of Modern Russian Political Elite as Political and Administrative-Corporate Elite Groups Rotation]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 6(1), 71–97.
- Ponedelkov, A. V. (1995). *Politicheskaya elita: genezis i problemy ee stanovleniya v Rossii* [Political Elite: Genesis and Problems of its Formation in Russia]. Rostov n/D: Izd-vo SKNTs VSh.
- Ponedelkov, A. V. (2007). Formirovanie putei rekrutatsii administrativno-politicheskikh elit v sovremennoi Rossii [Formation of Recruitment Paths for Administrative and Political Elites in Modern Russia]. *Vlast' [Power]*, 6, 3–8.
- Rastimeshina, T. V. (2017). Partiinaya sistema sovremennoi Rossii i osobennosti ee funktsionirovaniya [Party System of Modern Russia and Its Peculiar Workings]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Social Research], 3(15), 132–138.
- Rodionov, V. G. (2014). Sovremennyyi sotsial'no-ekonomicheskii krizis kak bifurkatsiya nelineinoy dinamicheskoy sistemy [Contemporary Social and Economic Crisis as a Bifurcation of Nonlinear Dynamic System]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 12(96), 3–12.
- Romanova, S. A. (2021). Antielita v epokhu tsifrovizatsii [Anti-Elite in The Era of Digitalisation]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 10, 14–17.
- Shentyakova, A. V. (2014). Modeli i faktory kar'ery predstavitelei politicheskoi i administrativnoi regional'noi elity [Patterns and Factors of Regional Politicians' and Bureaucrats' Career]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 1, 385–398.
- Shushpanova, I. S. (2022). Osobennosti sotsial'no-politicheskoi konsolidatsii rossiiskogo obshchestva i gosudarstva v usloviyakh provedeniya spetsial'noi voennoi operatsii: sotsiologicheskii analiz [Features of The Socio-Political Consolidation of Russian Society and the State in the Conditions of a Special Military Operation: Sociological Analysis]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 28(4), 97–108.
- Skinner, B. (2023). *Po tu storonu svobody i dostoinstva* [Beyond Freedom and Dignity]. Moskva: Bombora.
- Sleptsov, N. S., Kukolev, I. V., Ryskova, T. M. (1997). Novaya legitimnost' regional'nykh liderov [New Legitimacy of Regional Leaders]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 3, 5–23.
- Sleptsov, N. S., Kukolev, I. V., Ryskova, T. M. (1998). Lidery rossiiskikh regionov: ispytanie plebistsitom [Leaders of Russian Regions: A Test by Plebiscite]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 7, 118–129.
- Starostin, A. M. (2016). Intellektual'nye elity sovremennoi Rossii: rezhim ozhidaniya ili degradatsiya? [Intellectual Elite of Modern Russia: Waiting Mode or Degradation?]. *Kommunikologiya* [Communicology], 4(6), 120–126.
- Tarusina, I. G. (2009). Novye elity Rossii — usloviya dlya razvitiya demokratii i ekonomicheskikh reform [New Russian Elites as the Condition of Democracy and Economic Reforms]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 4, 192–193.
- Tev, D. B. (2018). Biznes kak istochnik rekrutirovaniya federal'noi administrativnoi i politicheskoi elity Rossii [Business as a Source of Recruitment of the Federal Administrative and Political Elite of Russia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 5, 54–86.
- Timofeev, A. A. (2016). Smena politicheskoi elity kak neobkhodimyy faktor ekonomicheskogo razvitiya strany [Changing of Political Elite as a Necessary Factor of Economic Development of the Country]. *Kommunikologiya* [Communicology], 4(6), 140–153.

- Timofeev, Yu. P., Karabushchenko P. L. (2006). Elitologicheskaya regionalistika: dinamika razvitiya regional'nykh elit sovremennoi Rossii [Elitological Regional Studies: The Dynamics of Development of Regional Elites in Modern Russia]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2(18), 12–19.
- Toynbee, A. (1998). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moskva: Progress.
- Turen, A. (1998). *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego* [The Return of the Active Man]. Moskva: Nauch. mir.
- Usmanov, R. Kh., Tazhiev, N. M. (2012). *Puti i vektor razvitiya regional'nykh etnopoliticheskikh elit v sovremennoy rossiiskoy obshchestve* [Ways and Vector of Development of Regional Ethnopolitical Elites in Modern Russian Society]. Moskva: TsIUMiNL.
- Usova, Yu. V. (2013). Politicheskie elity sovremennoi Rossii v kontekste pozitsionirovaniya politicheskikh partii [Political Elites of The Modern Russia in The Context of Political Parties' Positioning]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 12, 95.
- Voslenskii, M. S. (2019). *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuzha* [Nomenklatura. The Ruling Class of the Soviet Union]. Moskva, Berlin: Direkt-Media.
- Weber, M. (2003). *Politicheskie raboty 1895–1919* [Political Works 1895–1919]. Moskva: Praksis.
- Zaslavskaya, T. I. (2002). Struktura rossiiskogo obshchestva cherez prizmu transformatsionnogo protsesssa [The Structure of Russian Society from Transformational Process Perspective]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4, 59–64.

Received 18.07.2024

Accepted 30.08.2024

© 2024 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).